

В. В. Иванов

**Славянские языковые
моделирующие
семиотические системы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 80
ББК 81-5
И17

И17 **Иванов В.В.**
Славянские языковые моделирующие семиотические системы / В. В. Иванов –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 246 с.

ISBN 978-5-458-25217-1

ISBN 978-5-458-25217-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая монография является продолжением опубликованной ранее работы авторов «К реконструкции праславянского текста» («Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов». Москва, 1963). Обе работы связаны с решением задачи реконструкции на разных уровнях праславянских или древних славянских текстов и систем, лежащих в их основе.

В первой работе излагаются принципы реконструкции текста по уровням, начиная с низших уровней, непосредственно связанных с языком, — фонологического, метрического, морфологического, синтаксического и трансформационного. Для каждого из этих уровней, как и для некоторых более высоких (надязыковых) уровней, была предложена особая система формализованной записи, которая используется в третьей части настоящей книги при реконструкции конкретных праславянских и славянских текстов. Эта запись предполагает определенные знания о структуре перечисленных уровней применительно к праславянскому, причем по отношению к высшим, надязыковым, уровням оказывается особенно важным анализ семантических отношений между элементами плана содержания, чему в основном и посвящена настоящая монография. Поскольку принятая система записи не является универсальным метаязыком, а служит открытым набором элементов, ориентированным на специальные цели реконструкции праславянских текстов, в нее вносятся соответствующие видоизменения по мере перехода к другим традициям. Если в первой работе («К реконструкции праславянского текста») основное внимание уделено выработке этой формализованной записи реконструируемого текста (прежде всего на низших языковых уровнях) и примерам реконструкции отдельных имен и словосочетаний (и лишь в небольшой степени более пространный текст), то в настоящем исследовании внимание было сосредоточено на реконструкции высших уровней. Преимущественное внимание к реконструкции высших уровней объясняется тем, что в силу

особенностей эволюции от праславянского к отдельным славянским языкам (ср. незначительность промежутка, отделяющего праславянский язык от первых памятников письменности отдельных славянских языков, а также сохраняющуюся близость славянских языков между собой, облегчающую реконструкцию более древней стадии в развитии языка) реконструкция текста на низших уровнях (например, фонологическом и морфологическом) не представляет принципиальных трудностей. Вместе с тем резкий разрыв в культурной истории всех славянских народов на отрезке от позднего праславянского к ранним славянским культурам, зафиксированным в письменных источниках после принятия христианства, делает особенно сложной проблему реконструкции содержания текста, т. е. того семантического сообщения, правила кодирования которого на низших уровнях были уже описаны раньше. Отсюда вытекает необходимость исследования и реконструкции семантики текстов в широком смысле, предполагающем восстановление древней модели мира. Тем самым эта книга одновременно связана с обращением к традиции классических славистических работ второй половины XIX в., где был собран огромный материал для реконструкции древнеславянских представлений о мире, и к современному функциональному истолкованию структурных схем в культурной антропологии и семиотике. Соответствующие теоретические проблемы были изложены в совместной статье авторов этой работы и А. А. Зализняка «О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем» («Структурно-типологические исследования». Москва, 1962), и поэтому здесь можно ограничиться лишь кратким изложением семиотических принципов описания модели мира, применяемых далее при анализе древних мифологических систем.

Устройство (автомат, человек или животное), взаимодействующее с окружающей средой, перерабатывает получаемую им информацию о среде и о самом данном устройстве. При этом обычно в тех областях, где осуществляется активное взаимодействие устройства со средой, работа этого устройства исходит из установки на дешифровку, предполагающей осмысленность перерабатываемой информации. Перерабатываться могут либо первичные данные, получаемые приборами (искусственными или органическими, т. е. рецепторами), либо вторичные, являющиеся результатом перекодирования первичных данных. Во втором случае (который в дальнейшем и будет предметом обсуждения в настоящей работе) имеется возможность установления таких закономерных соответствий между получаемыми сигналами и образами этих сигналов, которые не выводимы прямо из организации воспринимающих приборов (в отличие от первого случая, где закономерные соответствия носят другой характер, поскольку они объясняются различиями между организацией устройства и организацией среды).

Во втором случае естественно предположение, что имеется второй участник акта коммуникации, закодировавший сообщение, получаемое и декодируемое данным устройством. Если устройством является человек, то граница между первым случаем L (когда перерабатываются первичные данные приборов, не предполагающие наличия никакого второго участника в акте коммуникации, кроме всей среды, включая данное устройство — случай «игр с природой») и вторым случаем S (когда перерабатываются вторичные данные, предполагающие наличие второго участника акта коммуникации) проводится целым коллективом в зависимости от того, в каких именно областях осуществляется взаимодействие коллектива со средой и взаимодействие членов коллектива друг с другом. Поскольку эти области являются подвижными, относительноными (и даже вообще необязательными) являются и границы между первым и вторым случаем: во-первых (как это делалось во многих древних коллективах, см. ниже), наличие второго участника акта коммуникации может предполагаться во всех случаях (т. е. L понимается как S), во-вторых (как это предполагается при дальнейшем установлении более непосредственных связей между биологическим и семиотическим исследованием человека), любые даже закономерные соответствия между получаемыми сигналами и их образами могли бы в конечном счете выводиться из особенностей организации человека (т. е. S понимается как L). Признавая необязательность (и, более того, несостоятельность с некоторой объективной точки зрения) этих границ (в той мере, в какой они проводятся в коллективах, подобных тем, которые описываются в настоящей работе), следует тем не менее отметить важность исследования этих границ для характеристики самого коллектива, так как модель мира, строящаяся данным коллективом, складывается из всех семиотических систем, находящихся в пределах S.

Под миром U можно понимать среду и устройство в их взаимодействии (т. е. мир понимается как пассивная память машины), тогда как под моделью M мира U можно понимать образ U в S (получаемый через посредство L). Модель MU может существовать в пределах S в различных семиотических воплощениях: одни из них могут осознаваться данным коллективом (например, религиозные, социальные и т. п.), другие относятся к области бессознательной социальной психологии (например, семантика естественного языка). Модель мира является вместе с тем программой поведения для личности и для коллектива, так как она определяет набор операций, служащих для воздействия на мир, правила их использования и их мотивировку. Модель мира может реализовываться в различных формах человеческого поведения и в результатах этого поведения (например, в языковых текстах, социальных институтах, памятниках материальной культуры и т. д.); в дальнейшем всякая такая реализация называется текстом.

Некоторые принципы изучения таких текстов и семиотических систем, в частности в применении к задачам реконструкции рассматриваются авторами в специальной работе «К постановке вопроса о реконструкции текста и реконструкции знаковой системы», где указывается важная для настоящей работы аналогия между процессом дешифровки и реконструкцией текста.

Поскольку семиотические модели мира определяют правила поведения личности и коллектива, коллектив осуществляет контроль над хранением и передачей этих моделей и над способами их введения в человека (обучение в широком смысле), заботясь о единообразии и преемственности этих моделей. Тем не менее в результате вхождения одной и той же личности в состав двух или нескольких коллективов или вхождения данного коллектива в некоторый более обширный коллектив, а также в результате изменений внутри самого коллектива (которые не всегда могут в достаточной мере контролироваться управляющей системой), одна и та же личность или целый коллектив может пользоваться разными моделями (их сосуществование может быть источником для внутренней реконструкции последовательной смены моделей). При этом возможны (и реально встречаются) следующие способы взаимодействия разных моделей: а) их изолированное употребление, когда каждая из моделей приурочена к определенной сфере, и существуют правила перехода (детерминированные или вероятностные) от одной модели к другой; б) креолизация, т. е. наложение моделей друг на друга, выявление в них общих (или отождествляемых) элементов; с) патологическое разъединение моделей и программ поведения личности. Исследование случая б (креолизация) оказалось особенно важным для целей этой книги, поскольку в ней постоянно приходилось учитывать разные случаи взаимодействия религиозных систем (в дальнейшем для краткости — RS), такие, как креолизация христианской и дохристианской (языческой) у восточных славян; взаимное наложение системы античной мифологии на древнюю славянскую систему у старых польских и чешских хронистов; еще более сложное взаимодействие различных систем RS у авторов, описывавших извне систему RS у балтийских славян через призму других систем RS.

Общие принципы описания моделирующих семиотических систем (т. е. знаковых систем, описывающих некоторую модель мира) вырабатывались как в ходе работы над реконструкцией древних славянских и других индоевропейских систем, так и во время полевого обследования ситуации, при которой система RS в ряде случаев является определяющей (по крайней мере, для представителей старшего поколения) в совокупности семиотических систем, образующих модель мира; такая ситуация изучалась экспедицией, организованной в 1962 г. Институтом Славяноведения для описания языка и других семиотических систем у кетов. По первоначальному замыслу в книгу должны были

войти результаты всех этих работ (в том числе описание кетской модели мира и ряда индоевропейских систем RS), а также расширенная версия доклада о реконструкции праславянского текста. Однако часть, посвященная реконструкции древней славянской системы, оказалась настолько обширной, что авторам пришлось отказаться от включения в книгу перечисленных выше частей, ограничившись лишь немногими типологическими параллелями, число которых легко может быть умножено (более подробные сведения о типологически сходных семиотических моделирующих системах излагаются в других работах авторов, в частности в работе о кетской модели мира, публикуемой в «Ученых записках» Тартуского университета, серия, посвященная знаковым системам). Набор основных семантических противопоставлений, независимо реконструируемый для праславянского, оказывается в существенных чертах совпадающим с противопоставлениями, характерными для ряда других, до сих пор актуальных (и поэтому более доступных для изучения) традиций (таких, как многие сибирские, финно-угорские, некоторые тюркские, а также географически никак не соприкасающиеся с евразийским культурным ареалом). Поэтому возникает задача более детального структурно-типологического анализа всех этих систем, что может составить содержание дальнейших исследований. Осуществление такого анализа с целью обнаружения общего для разных традиций набора основных и немногочисленных семантических противопоставлений могло бы представить интерес для общей семантики и семиотики, а также и для общей лингвистики, где проблема построения универсального метаязыка для описания семантики естественных языков-объектов выдвинулась в последние годы на первый план как в теоретическом, так и в прикладных аспектах. Что касается конкретно славистической стороны предпринятых исследований, то их естественно было бы продолжить в направлении реконструкции более обширных праславянских текстов на разных уровнях (включая особенно важные для таких текстов синтаксический и метрический уровни). В этой же книге, кроме реконструкции самой модели, которой посвящается вторая часть, приводятся в третьей ее части лишь такие примеры восстанавливаемых текстов меньшего объема, которые непосредственно вытекают из реконструируемой модели.

Исследованию реконструируемой модели предпослана первая часть, в которой описываются наиболее простые и связанные с собственно языковыми уровнями фрагменты древних систем RS в отдельных славянских традициях, в частности пантеон восточных славян и боги балтийских славян. На этих простых примерах устанавливаются те основные соотношения, которые более полно и подробно проверяются во второй части книги, где привлечены материалы других уровней системы (кроме уровня I-RS, т. е. набора элементов, входивших в официальный пантеон). Основное

внимание во второй части уделяется анализу противопоставлений наиболее общего и универсального характера, которые, строго говоря, не связаны с конкретными предметами и в этом смысле являются абстрактными. Однако в ходе анализа этих противопоставлений был в основном выявлен репертуар «конкретных классификаторов» типа зооморфных, отдельных растительных и других предметных символов (хотя исчерпывающее описание всего набора таких символов отнюдь не входило в задачи этой работы). Часть таких конкретных классификаторов тоже в той или иной мере является универсальной, однако вся сеть соотношений абстрактных и конкретных классификаторов специфична именно для праславянского (не говоря уж о конкретном языковом воплощении этой сети, которому посвящается третья часть книги). Проблема соотношения абстрактных и конкретных классификаторов рассматривается в двух последних монографиях К. Леви-Стросса (C. Lévi-Strauss. *La pensée sauvage*. Paris, 1962; Он же. *Le cru et le cuit*. Paris, 1964), но первая из них посвящена характеристике одной из двух основных форм человеческого моделирования мира в целом, а вторая, наоборот, посвящена анализу в основном одного противопоставления на материале одной традиции (бороро). В настоящей же работе ставилась цель наметить пути реконструкции набора абстрактных и отчасти конкретных классификаторов на материале славянских традиций, причем особое внимание было обращено на языковые тексты и на лингвистические (в том числе этимологические) данные. Внеязыковые тексты, например произведения изобразительного искусства и памятники материальной культуры, привлекались в столь малой степени, что потребовалось введение ограничительного определения «языковой» в заглавие работы; это согласуется с преимущественным вниманием к языковому воплощению уровня I-RS в первой части, других уровней системы RS во второй и особенно третьей частях. Пользуемся случаем принести благодарность Р. О. Якобсону, с которым обсуждался ряд проблем славянской мифологии (некоторые противопоставления, анализ последовательности имен богов в списках, ряд этимологий и т. д.), что помогло авторам в написании этой книги.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НЕКОТОРЫЕ ФРАГМЕНТЫ СЛАВЯНСКОЙ МОДЕЛИ МИРА (СИСТЕМА RS)

Глава I.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ СИСТЕМА RS (УРОВЕНЬ I-RS)

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К УРОВНЮ I-RS

Одна из основных трудностей при изучении уровня I-RS восточнославянской системы RS заключается в крайне ограниченном числе источников (особенно если учесть, что некоторые из них целиком или почти целиком повторяют друг друга¹), при весьма ограниченном объеме каждого из них. В предельных случаях (к сожалению, нередких), для некоторых элементов уровня I-RS текст, служащий источником, сводится к названию данного элемента, т. е. к его имени. В таких случаях какие-либо выводы могут делаться только на основании этимологических или комбинаторно-типологических соображений, и поэтому вся картина в этих условиях становится весьма гадательной. При этом нужно помнить, что практически все тексты, кроме договоров русских с греками, включенных в летописные своды, принадлежат не носителям данной системы, а наблюдателям (в той мере, в какой они должны были исповедывать христианскую веру), находящимся за ее пределами и обнаруживающими обычно к ней отношение как к ложной системе. Поскольку эти внешние наблюдатели сами являлись носителями другой системы RS, через которую они могут рассматривать и восточнославянскую систему RS, они часто могли неверно интерпретировать описываемую ими и чуждую им систему RS и, в частности, неверно описывать систему ценностей внутри уровня I-RS и отношения между ними.

¹ Или весьма сильно зависят друг от друга и не являются самостоятельными источниками, как, например, сведения польских хронистов о киевском пантеоне (собранные в кн.: V. J. M a n s i k k a. Die Religion der Ostslaven. I. Quellen. Helsinki, 1922, стр. 133 и след.), зависящие от русских летописных данных.

Другая существенная трудность связана с поздней абсолютной хронологией источников (в особенности наиболее достоверных из них) и с неясностью относительной хронологии эволюции элементов уровня I-RS в их отношении к элементам других уровней. Все время приходится считаться с принципиальной возможностью того, что каждый из элементов уровня I-RS с диахронической точки зрения мог явиться результатом перевода («возвышения») из элементов нижележащих уровней; вместе с тем возможен и обратный процесс «опускания» элементов, некогда принадлежавших к уровню I-RS, т. е. их перевода в элементы нижележащих уровней. Именно поэтому изолированные сопоставления славянских названий элементов уровня I-RS с соответствующими названиями в других индоевропейских языках (даже при их безупречности с чисто лингвистической точки зрения) могут ничего не давать для приурочения данного элемента к тому или иному уровню на всем протяжении от индоевропейского до праславянского и восточнославянского. Имея в виду специально восточнославянскую систему RS на уровне I-RS, следует дополнительно допускать возможность, что организация его в том виде, который восстанавливается по наиболее достоверным источникам, может быть результатом сознательной, целенаправленной деятельности (реформа Владимира), приведшей к своего рода катализу элементов уровня I-RS, связанному с развитием дополнительных атрибутов (в частности, антропоморфного характера), появлением некоторых мотивов, установлением отдельных связей между элементами; все это и позволяет говорить применительно к Киевской Руси конца первого тысячелетия нашей эры об организации уровня I-RS по принципу общегосударственного пантеона, хотя это и не преддрекает возможности проецирования подобных отношений в более отдаленное прошлое.

2. ЭЛЕМЕНТЫ УРОВНЯ I-RS

Насколько можно судить по имеющимся данным, у восточных славян к уровню I-RS относились следующие элементы:

1. Перун (др.-русс. *Перунъ*), характеризующийся связью со следующими атрибутами: а) возвышенное место: *И нача кнѣжити Володимѣръ въ Киевѣ единѣ, и постави кумиры на холму въ двора теремнаго — Перуна древаѣна, а главу его сребрену, а оусть златъ. . .* Лавр. летоп. 79²; *и постави цркъвь стаго Василы на холмѣ идеже стояше кумиръ Перунъ и прочии.* Лавр. летоп. 118; *и приде на холмъ кде стояше Перунъ.* Лавр.

² См.: Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку. М., 1962. — С данным местом летописи, ср. также: А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 555.

летоп., 54; Перуна же повелъ привязати коневѣ къ хвусту и влещи с горы по Боричеву на Ручаи. Лавр. летоп. 116; и пришед Добрыня къ Ноугороду, постави Перуна кумиръ над рѣкою Волховомъ... Новгород. I летоп. младш. изв. Комисс. спис. 128³ и др. б) дуб и дубрава: А отъ той горы до Перунова дуба горь склонъ. Грамота галицкого князя Льва Даниловича 1302 г.⁴; в) гром и молния (вопреки общему мнению, для восточнославянской системы RS этот атрибут восстанавливается лишь на основании очень косвенных и не вполне достоверных данных — таких, как значение соответствующих нарицательных имен существительных и прилагательных в случае, если они не объясняются иноязычными, западнославянскими или балтийскими, влияниями или воздействиями со стороны позднейших литературных стилей, ср.: русск. *перун* 'гром'⁵, укр. *перун* в выражениях типа *бодай тебе перун забув темненької ночі*. Гринченко III, стр. 147; *бодай те перун забуй*. Батюк. говор⁶; белор. *як ударыў перун прама ў хату*. Говор дер. Абідавічы⁷; прилагательное *перуновы* «громовой» и т. д.)⁸. Позднее атрибу-

³ См.: Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950. — Как видно из Третьей Новгородской летописи (*и требища разори и Перуна, посъче, что въ великомъ Новѣградѣ стоялъ на Перыни*. 988 г.) и из материалов археологических раскопок («Краткие сообщения Института истории материальной культуры». Вып. 50, стр. 192 и след.), место, в котором находилось святилище Перуна и именовавшееся словом того же корня *Перынь*, находилось на возвышенности.

⁴ Из других косвенных восточнославянских данных можно указать на то, что капище Перуна в Киеве, видимо, некогда было священной рощей. Ср. гипотезу Е. В. Аничкова (Е. В. А н и ч к о в. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914, стр. 324).

⁵ См., например: «Рукописный лексикон первой половины XVIII века». Л., 1964, стр. 269. Ср. также замену имени Зевса Перуном в переводе греческого сказания об Александре Македонском и употребление Перуна в значении неба в одной рукописи XV в.: *колико есть небес! Перун есть много*.

⁶ См.: В е р х р а т с ь к и й. Говір батюків. Львів, 1912, стр. 283.

⁷ «Матеріалы для слоўніка народна-дыялектнай мовы». Под ред. Ф. Янкоўскага. Мінск, 1960, стр. 89. — Ср. псковск. *сбей тебя Перун* и др.; см. также: А. Н. А ф а н а с ь е в. Поэтические воззрения славян на природу. т. I. М., 1849, стр. 251; «Русская диалектология». М., 1964, стр. 215.

⁸ В связи с неясностью приурочения атрибута грома и молнии к восточнославянскому Перуну остается под сомнением и возможность соотнесения именно с этим божеством каменных стрел-молотов, находимых вдоль пути из варяг в греки (в том числе в районах балто-славянского взаимодействия). Нельзя считать исключенным соотнесение этих археологических находок со скандинавскими представлениями о Торе (ср. упоминание палицы у новгородского идола Перуна в некоторых поздних рукописях летописи), с одной стороны, и, с другой стороны, с балтийскими поверьями о каменных снарядах Перкунаса-Перкона (ср. лит. *Perkūno kulhės*, лтш. *Pērķona lodes*); эти последние поверья, очевидно, отразились в белорусском фольклоре (см.: А. С е р ж п у т о ў с к і. Прымхі і забавы беларусаў-паляшукі. Мінск, 1930, стр. 8 и др.). Несомненное влияние литовских представлений о Перкунасе отразилось в таких поздних источниках (XVII в.), как Густынская летопись и отчасти параллельный ей текст «О идолах Владимировых»; ср.: ... *Перконось си есть Перунъ*. . . (Н. Г а л ь к о в с к и й. Борьба хри-

грома и молнии мог оживиться под влиянием образа Ильи-пророка.

Как видно из приведенного выше отрывка (Лавр. летоп. 79), на самом позднем этапе становления киевского пантеона Перуну свойствен антропоморфный облик (ср. наличие головы и усов), об отношении к Перуну как к конкретной личности может свидетельствовать характер обращения к низверженному идолу Перуна в Новгородской летописи: . . . и Перуна посъче, и повелъ влещи въ Волхово; и поверзъше ужи, влечаху его по калу, бичуще жезлъемъ; и заповѣда никому же нигдѣ же не прияти. И иде пидѣблянинъ рано на рѣку, хотя горѣнци вести в город; сице Перунъ приплы къ берви и отрину и шистомъ. «ты, рече, Перушице, досъти еси пилъ и ялъ, а нынѣ поплочи прочь». . . Комисс. список, стр. 160 (в этом обращении можно видеть отзвук таких жертвоприношений, которые по идее могли адресоваться именно к антропоморфному существу и поэтому мыслились как еда и питье для бога; ср. типологические параллели в таких религиях, как хеттская).

2. Велес (др.-русс. *Велесъ, Волосъ*), характеризующийся, по сути дела, лишь одним надежно устанавливаемым атрибутом — скотий бог. Ср.: *кляшася оружѣмъ своимъ и Перуномъ богомъ своимъ и Волосомъ скотемъ бгоу и оутвердиша миръ*. Лавр. летоп. 32; *да имѣемъ клятву отъ Ба. въ его же вѣруемъ, в Перуна и въ Волоса скотѣа Ба. и да будемъ колоти тако золото и своимъ оружѣмъ да исъчени будемъ*. Лавр. летоп. 73; а Волоса идола, *его же именовашу тако (скотіа) бога, повелъ в Почаину рѣку въверъци*. Житие св. Владимира; *и вся жертва идольска, иже молятся огневи подѣ овиномъ, виламъ, Мокошѣ, Симоу, Рѣглоу, Пероуноу, Волосу скотѣю богу. . . Слово некоего Христолюбца. 377⁹); второй Волос богъ скотіи, баше у нихъ во великой чести*. Густынск. летоп. 257¹⁰. Следует заметить, что прилагательное *скотий*, произведенное от *скотъ*, могло иметь два значения: относиться к скоту¹¹ (откуда позднейший негативный оттенок) или к богатству. Для периода, предшествующего введению христианства на Руси и отраженного, например, в клятве дружины киевского князя при заключении

стианства с остатками язычества в древней Руси, т. II. М., 1913, стр. 295—296).

⁹ См.: Е. В. Аничков. Указ. соч. — Упоминание о Волосе отмечено лишь в окончательной редакции этого текста, характерно, что в другом месте той же редакции при другом порядке богов имя Волоса не упоминается (см. стр. 374).

¹⁰ См.: Полное собрание русских летописей. Том II.

¹¹ Ср. . . . *молатся . . . скотноу бгоу и попутникоу и лѣснѣ бѣ* . . . Слово о томъ, како погани . . . 34 (Н. Гальковский. Указ. соч., т. II).